

УДК 32.019.51

Политическая мифология и политика памяти: диалог систем

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Термин «миф» имеет несколько смысловых значений, однако в современном языке данное слово все чаще используется в политическом контексте. Оно обозначает феномен дополненной определенными смыслами реальности. Данная реальность, с одной стороны, не является полностью правдивой, с другой – формирует сознание людей и может рассматриваться как трансформирующий фактор. Здесь политические мифы активно переплетаются с политикой памяти, т. е. деятельностью различных социальных институтов по институционализации воспоминаний об определенных событиях прошлого. В определенном смысле можно говорить о том, что политика памяти конструирует новые мифы, которые продолжают существовать в общественном сознании как самодостаточные концепты. В то же время политика памяти, существующая в обществе, оперируя отдельными мифами, постепенно создает новую мифологию, отдельные части которой дополняют друг друга. Здесь наиболее значимым соотношением представляется сочетание образа прошлого (по сути, объекта политики памяти) и образа будущего. Последний, будучи основанным на определенных идеалистических представлениях, также идеализируется, прежде всего в сознании реципиентов. Показательно, что соотношение политической мифологии и политики памяти крайне изменчиво, что требует глубокого анализа для определения возможных форм устойчивой зависимости.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Политическая мифология и политика памяти: диалог систем // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 3А. С. 15-22.

Ключевые слова

Политика памяти, историческая память, миф, мифология, идеология.

Введение

Историческая память и миф – это две тесно связанные между собой категории, характеризующие восприятие обществом или социальной группой своего прошлого. Принципиальная разница данных двух понятий заключается в степени достоверности и реалистичности существующих у людей представлений. Историческая память претендует на высокую степень реалистичности, подкреплена свидетельствами очевидцев, материальными источниками, например архивными записями, мемуарами, артефактами и т. п. Историческая память может даже передаваться из уст в уста, однако и в этом случае ее носитель презентует ее как часть реальности, связанной со знаниями и умениями реципиентов информации. Миф нереалистичен и недостоверен, хотя также несет в себе информацию о прошлом. В современном общественном дискурсе само слово «миф» используется прежде всего для определения комплексных архаичных представлений о прошлом отдельных народов или человечества в целом, которые очень отдалены исторически, нереалистичны и не получили развития и систематизации, как, например, религиозные культы.

Тем не менее мифы сопровождают наше существование. Более того, в момент своего возникновения они были востребованы и решали определенные социальные задачи, т. е. в определенном смысле были реальны в восприятии общества, при том что содержали нереалистичный контент. Причина этого, вероятно, кроется в желании человека познать первооснову – понять отправную точку, к примеру, возникновения его этнической группы, что невозможно сделать, оставаясь в реалистичном, познаваемом пространстве при наличии дефицита реальной подтверждаемой устной историей информации. Таким образом, человеческие ожидания – запрос на информацию, они сами порождают формирование ограниченно реалистичного сюжета мифа, который, в свою очередь, не является статичным и продолжает свое развитие в рамках социального дискурса, обретая дополнения, интерпретации, комментарии и т. д.

Можно предположить, что раз миф связан с отсутствием верифицированных данных о прошлом, то его существование имеет ограниченный потенциал, связанный, к примеру, с вопросом возникновения Вселенной, живой природы, человека, но чем дальше продвигается научное знание, тем сильнее этот потенциал сжимается, так как все большее количество вопросов переходит из разряда иррационального в разряд познаваемого. Такого подхода придерживались многие антропологи XIX–XX вв., изучавшие примитивные народы Азии и Африки [Леви-Стросс, 1985].

Современная социология и политическая наука активно оперируют термином «миф», наделяя его уже осовремененным смыслом. В частности, речь идет о том, что прогресс общества в познании природы и самого себя не линейен, фрагментирован и, что особенно важно, не доступен всеобщему пониманию (сложно охватить и не все доступно). Как следствие, хотя человек существует в современной прогрессивной реальности, он тем не менее не способен ее познать даже по фундаментальным направлениям [Домнина и др., 2019, www].

Кроме того, следует понимать, что человек – это ограниченно рациональное в своем поведении существо. Как следствие, миф может выступать результатом игнорирования знания [Ракитов, 2018], необходимым для компенсации информационной пустоты и морального (психологического) удовлетворения.

Политический миф

Ограниченность восприятия человеком окружающей реальности неизбежно ведет к возникновению современных мифов, часть которых оказывается связана с политической сферой жизнедеятельности общества и ее исторической преемственностью. Более того, можно констатировать, что политическая сфера становится, очевидно, одной из наиболее вероятных сфер для создания новых мифов, так как данная сфера лишена четких ориентиров, позволяющих выстраивать однозначные доказательные модели, основанные на универсальных ценностях.

Политический миф может быть определен как иррациональная интерпретация рациональной идеи или комплекса идей, превращенная общественным сознанием в культурный феномен. Здесь же следует отметить и идеологичность политического мифа, т. е. его соотносимость с существующими в обществе представлениями о доминирующей и второстепенных идеологиях.

Показательно, что политический миф и идеология не являются синонимами. Более того, существуют разные подходы, в соответствии с которыми миф является элементом идеологии [Кабешев, 2004, www] или идеология вырастает из мифа [Ершов, 2015]. На наш взгляд, оба данные заключения правомерны, так как политический миф изначально – это статический образ, который существует в обществе, но не нацелен на его трансформацию, а скорее применяется для сохранения формы мышления и поведения людей. Примером может служить утопический образ общества всеобщего благоденствия. Подобный образ присутствует в работах многих философов Нового времени, но только в работах К. Маркса данный образ становится основой для создания идеологической системы. В свою очередь, после попытки применения данной идеологии на практике в СССР возникает большое количество мифов, сопровождающих идеологию и интерпретирующих ее в форме, доступной разным группам граждан. Здесь в качестве примеров можно привести мифологизацию личности вождя (культ личности), мифологизацию достижений Красной армии, мифологизацию стахановского движения и др.

В качестве дополнительных отличий современного политического (и социального) мифа от традиционного следует отметить ориентацию на реального человека или событие в противовес герою или событию отдаленному в необозримую эпоху, отсутствие наследования и спонтанность возникновения, а также механизм распространения с использованием СМИ [Топорков, 2000], а затем Интернета, социальных сетей и т. п.

В связи с этим вполне естественным становится умышленное формирование политических мифов на идеологическом уровне с целью укрепления и развития идеологической системы, в том числе в контексте ее соотнесения с образами исторической памяти. Более того, возникает вопрос о том, может ли политика в принципе обойтись без мифа и мифологии. Ответ на данный вопрос нужно искать в историческом прошлом, а подтверждение тезисов – в различных школах современной философии.

В первую очередь следует отметить, что власть всегда стремилась к сакрализации. Наиболее показательный пример – практика помазания монарха на трон [Легеев, Никольский, 2016]. Несмотря на то, что данное действие всегда реализовывалось в русле религиозной традиции, оно тем не менее выходило за границы религиозной системы и создавало отдельный «вторичный» миф вокруг каждого конкретного монарха. Несмотря на архаичность данной традиции, во многих странах и сегодня Евангелие или Коран являются важным элементом инаугурации правителя, что призвано создать в глазах граждан определенную религиозную коннотацию и заложить идею моральности и религиозности новой власти. Кроме того, в современных обществах существует большое количество расхожих мифов, связанных с

ксенофобией или идеей заговора (олигархов, политиков, разведок и т. п.), идеями благоденствия, справедливости, свободы, спасителя, непредвзятости и т. д. [Каирова, 2011]

В конечном итоге все эти мифы представляют собой элементы фрагментированного политического мышления граждан и продолжают существовать как феномен вне зависимости от изменения политической ситуации, идеологической модели и политической реальности.

Причина, по которой это происходит, связана в первую очередь с тем символическим значением, которое политика имеет для человека. Несмотря на развитие демократических институтов в конце XX в. и рост плюрализма, рядовой гражданин (а во многих случаях и действующий политик) так и не получил возможность подняться над политической борьбой: он все еще смотрит на нее изнутри и обманывается в своих ценностях и идеалах, гипертрофируя их значение и недооценивая интересы и ценности оппонентов. В связи с этим политическое пространство в целом можно представить как систему торга за определенные мифологизированные ценности, которые в определенный момент возрастают или падают в цене.

Можно выдвинуть предположение о том, что апогеи политической мифологии приходится на кризисные периоды, когда резко снижается уровень рационального мышления и более востребованы простые смысловые конструкции, отражающие мир в черно-белом цвете. В таких условиях миф приобретает реалистичность: его сложнее дискредитировать, и в определенном смысле он превращается в основную реальность, а то, что он собой подменил, низводится до уровня мифа (например, в тоталитарном обществе высмеивается возможность альтернативных партий решить проблемы общества и государства). В качестве иллюстрации здесь можно привести существующий сегодня медийный спор мирового уровня о том, кто победил во Второй мировой войне. Для российских СМИ ответ очевиден и связан с превознесением заслуг Красной армии и советского народа. В то же время в западных странах роль СССР в данной победе занижается, вплоть до полного замалчивания [В США..., www]. Аналогичным образом, например, в Китае не афишируется роль западных союзников и превозносится именно роль Китая. Очевидно, что в случае победы одной из точек зрения противоположная позиция испытывает кризис, что, в свою очередь, может оказать трансформирующее влияние на мировоззрение целых народов. Таким образом, политический миф можно трактовать как своего рода сигнал, который говорит о претензии общества или широкой социальной группы к изменению социальных и политических практик. Во многом в этом выражается социологический подход к изучению политического мифа, который начал складываться на рубеже XIX-XX вв., с тем лишь отличием, что на начальном этапе общество рассматривалось через призму классовой идентичности. Одним из основоположников данного подхода выступил Макс Вебер.

Другой подход к изучению политических мифов, как мы уже отмечали выше, восходит к антропологическим школам, и здесь следует упомянуть имя Люсьена Леви-Брюля, который в начале XX в. рассматривал миф как результат дологического мышления в древнем обществе. Так как современное общество мыслит в системе логики, то миф выполняет уже не компенсаторную, а интегрирующую функцию [Леви-Брюль, 1981]. Идеи Л. Леви-Брюля сталкиваются с более поздней концепцией ограниченного рационального выбора [Саймон, 1993, www], которая как раз и демонстрирует изъяны в логическом мышлении современного человека и поле для развития политических мифов, выполняющих компенсаторную функцию. Другим ограничителем рациональности стали идеи, обобщенные в работах Г. Лебона, который применил социально-психологический подход к поведению масс и сформулировал принцип бессознательного поведения толпы, в отношении которой политический миф становится инструментом манипулирования [Лебон, 1995].

Далее, апеллируя к работам Г. Тарда [Тард, 2016], можно констатировать, что миф не просто превращается в инструмент манипулирования толпой, но под влиянием СМИ приобретает характер универсального инструмента, способного повлиять на коллективное сознание, в том числе не только одержимой толпы, но и «публики» – группы, сформированной вокруг определенных СМИ или, как мы сегодня понимаем, онлайн-сообществ, чатов и т. д. и просто в структуре общества «по интересам».

В таких условиях политическая мифология современности не просто приобретает реальность, а формирует многомерный, альтернативный реальности мир политического мышления, псевдознания которого начинают оказывать формирующее влияние на политическую реальность.

Политические мифы и политика памяти

Особенно отчетливо данные механизмы проявляются, когда речь идет об интерпретации исторических контекстов с политической точки зрения, поскольку подобные дискуссии во многом демонстрируют иррациональность (нелинейность) самой истории и ее адаптивность к текущим условиям меняющейся политической среды. Здесь речь заходит о связи политических мифов и исторической памяти.

Историческая память – это своего рода данность, определенная широкая совокупность данных о прошлом, которая живет в памяти того или иного народа в активном или пассивном состоянии [Медушевский, 2019]. В то же время историческая память народа живет по своим законам и под воздействием конкретных политических или социальных событий актуализируется либо, наоборот, забывается. В данном случае для нас принципиален именно процесс актуализации исторической памяти, который может происходить как спонтанно, так и запланированно, через реализацию определенной политики памяти. В каждом из этих случаев речь может идти о переходе исторической памяти в категорию политического мифа, что в значительной степени становится реакцией общества на попытку сопоставить исторические и текущие политические события с учетом применения ограниченного набора данных. Дефицит данных провоцирует домысливание мифологической модели, которая начинает постепенно существовать автономно, укрепляя позиции определенной группы последователей.

Здесь можно согласиться с Л.А. Мясниковой и М.Н. Шумихиной, которые отмечают, что «политический миф – носитель и хранитель исторической памяти. Прошлое оживает в настоящем через политический миф» [Мясникова, Шумихина, 2016]. Несмотря на бесспорную верность данного тезиса, нельзя не сделать отступления в пользу возможности существования «макромифа», к примеру, о происхождении народа, который, в свою очередь, предвосхищает формирующуюся историческую память народа и ее политизацию по определенным вопросам. Как следствие, миф может не только результировать историческую память, хотя это более вероятно, но и предшествовать ей (возможно, постфактум в уже выстроенной логике). В качестве примера такой логики можно привести статью «Миф об “украинском народе”» А. Самсонова и другие аналогичные публикации.

Показательно, что в современном коммуникативно развитом обществе роль политических мифов в развитии исторической памяти постоянно увеличивается. С формальной точки зрения это можно объяснить тем, что интенсивные межличностные и групповые коммуникации приумножают смыслы. Но может быть и иная, психологическая трактовка, в значительной степени напоминающая высказывание Гераклита о том, что нельзя войти в одну реку дважды. В данном случае историческая память общества подобна этой реке, а постоянные обращения к

конкретным историческим фактам создают такое количество интерпретаций, что сами факты начинают трактоваться по-другому, фактически меняя свое содержание, что, в свою очередь, создает определенный новый политический миф либо целый слой мифологии.

Кроме того, нельзя заявлять и о типичном характере самого мифа, как нельзя говорить об исторической памяти в принципе. История состоит из событий, идей и образов, которые, в свою очередь, получают интерпретацию в политической мифологии в виде «мифа-идеи», «мифа-образа», «мифа-события», каждый из которых имеет собственный цикл жизни и способен возрождаться при наличии благоприятных условий [Самсонов, www]. Также следует отметить рациональный характер каждого возникающего мифа, хотя, как было показано выше, сам факт возникновения мифа как раз может быть обусловлен ограничениями в рациональном поведении той общности, которая данный миф воспринимает.

В современном мире идет процесс эволюции идеологических моделей, частью которых выступают политические мифы. Речь идет о создании современных гибридных идеологий [Хагемейстер, www], имеющих гибкую структуру и характеризующихся смысловым полицентризмом. Аналогичный процесс, на наш взгляд, характерен и для политических мифов, претендующих на все более объемное отражение исторической памяти и развивающихся по пути комбинации простых исторических смыслов.

Заключение

Политический миф, несмотря на всю свою неоднозначность, становится своего рода ключом к пониманию политики памяти, существующей в обществе, так как именно политический миф выступает тем готовым продуктом, который общество способно воспринять и который, в свою очередь, может оказать на общество трансформирующее влияние, выстроив коллективную историческую память по определенной модели. Это делает уместным внедрение в исследовательскую практику нового подхода, в соответствии с которым коммуникативное пространство общества может быть представлено через систему мифов политического и социального характера, влияющих друг на друга и создающих «гибкую мифологию современности» с ее позитивными и негативными образами, героями, явлениями, стихиями и т. д.

Данный подход способен отразить альтернативную реальность, в которой человек не существует, а мыслит, уже затем переводя свои выводы в практическую сферу (например, реализуя право выбора или свободу собраний). Несмотря на то, что о таком параллелизме реальностей и значении мифа как такового писали многие авторы, включая авторов постмодерна, данный подход во многом современен, так как в силу своей комбинированной сущности отражает дух времени и улавливает особенности социотехнологического развития.

Библиография

1. В США выпустили монету с союзниками во Второй мировой войне без СССР. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce5f09d9a79475bffc81f30?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
2. Домнина А.И., Мочалова А.С., Торопова А.И., Шамина Е.М. Ограниченность человеческих знаний // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2019/04/88948>
3. Ершов Ю.Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5. С. 48-53.
4. Кабешев Р.В. Ж. Сорель и Ш. Моррас – первые попытки соединения идей синдикализма и национализма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2004. № 1. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/29.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/29.pdf)
5. Каирова И.А. Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. Т. 11. № 8-2. С. 1504-1512.

6. Лебон Г. Психология масс. СПб., 1995. 145 с.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: МГУ, 1981. С. 130-140.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
9. Легеев М.В., Никольский Е.В. Коронация христианских монархов: исторический и сакраментологический аспекты // *Studia humanitatis*. 2016. № 3. С. 5-16.
10. Медушевский Н.А. Размышления о политике памяти. Издательские решения, 2019. 146 с.
11. Мясникова Л.А., Шумихина М.Н. Политический миф как носитель исторической памяти // *Вопросы управления*. 2016. № 2. С. 25-31.
12. Ракитов А.И. В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) // *Вопросы философии*. 2018. № 9. С. 20-26.
13. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // *Thesis*. 1993. Вып. 3. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf
14. Самсонов А. Миф об «украинском народе». URL: <https://topwar.ru/49742-mif-ob-ukrainskom-narode.html>
15. Тард Г. Монадология и социология. Пермь: Гиле Пресс, 2016. 124 с.
16. Топорков А.Л. Миф: традиция и психология восприятия // *Мифы и мифология в современной России*. М., 2000. С. 39-64.
17. Хагемейстер М. Гибридная идеология и изобретение традиции. URL: <https://syg.ma/@sygma/mikhael-khaghiemiestier-gibridnaia-ideologhiia-i-izobrietieniie-traditsii>

Political mythology and memory policy: a dialogue between the systems

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State Humanities University,
125993, 6, Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Abstract

The term “myth” has several semantic meanings, but nowadays this word is increasingly used in a political context. It denotes the phenomenon of reality augmented by certain meanings. On the one hand, this reality is not completely true; on the other hand, it forms people's consciousness and can be viewed as a transforming factor. Here political myths are actively intertwined with the memory policy, i. e. the activities of different social institutions, related to the institutionalisation of memories of certain past events. The author of the article points out that the memory policy constructs new myths that continue to exist in public consciousness as self-sufficient concepts. At the same time, the memory policy, operating with some myths, is gradually creating a new mythology, whose parts complement each other. Here the combination of the image of the past (essentially the object of the memory policy) and the image of the future is considered to be the most significant correlation. The latter, based on certain idealistic notions, is also idealised, primarily in the consciousness of recipients. It is significant that the correlation between political mythology and memory policy is extremely variable, which requires an in-depth analysis carried out with a view to determining possible forms of stable dependence.

For citation

Medushevskii N.A. (2019) *Politicheskaya mifologiya i politika pamyati: dialog sistem* [Political mythology and memory policy: a dialogue between the systems]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (3A), pp. 15-22.

Keywords

Memory policy, historical memory, myth, mythology, ideology.

References

1. Domnina A.I., Mochalova A.S., Toropova A.I., Shamina E.M. (2019) Ogranichennost' chelovecheskikh znaniy [Limitations on human knowledge]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovations], 4. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2019/04/88948> [Accessed 17/05/19].
2. Ershov Yu.G. (2015) Mify v ideologii i politike [Myths in ideology and politics]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 5, pp. 48-53.
3. Hagemeister M. *The hybrid ideology*. Available at: http://inrussia.com/the-hybrid-ideology?utm_referrer=https://syg.ma (Russ. ed.: Hagemeister M. *Gibridnaya ideologiya i izobretenie traditsii*. Available at: <https://syg.ma/@sygma/mikhael-khaghiemieistier-gibridnaia-ideologhiia-i-izobrieteniie-traditsii> [Accessed 17/05/19].)
4. Kabeshev R.V. (2004) Zh. Sorel' i Sh. Morras – pervye popytki soedineniya idei sindikalizma i natsionalizma [G. Sorel and C. Maurras – the first attempts to combine the ideas of syndicalism and nationalism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 1. Available at: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/29.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990200_West_MO_2004_1(2)/29.pdf) [Accessed 17/05/19].
5. Kairova I.A. (2011) Sotsial'nye mify sovremennogo rossiiskogo obshchestva: osnovnye napravleniya i rezul'taty issledovaniya [Social myths of the modern Russian society: the main directions in and the results of the research]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Don State Technical University], 11 (8-2), pp. 1504-1512.
6. Le Bon G. (1895) *Psychologie des foules*. (Russ. ed.: Le Bon G. (1995) *Psikhologiya mass*. St. Petersburg.)
7. Legeev M.V., Nikol'skii E.V. (2016) Koronatsiya khristianskikh monarkhov: istoricheskii i sakramentologicheskii aspekty [The coronation of Christian monarchs: historical and sacramentological aspects]. *Studia humanitatis*, 3, pp. 5-16.
8. Lévi-Strauss C. (1958) *Anthropologie structurale*. Paris. (Russ. ed.: Lévi-Strauss C. (1985) *Strukturnaya antropologiya*. Moscow: Nauka Publ.)
9. Lévy-Bruhl L. (1922) *La mentalité primitive*. Paris. (Russ. ed.: Lévy-Bruhl L. (1981) Pervobytnoe myshlenie. In: *Khrestomatiya po obshchei psikhologii*. *Psikhologiya myshleniya* [A reader on in general psychology. The psychology of thinking]. Moscow: Moscow State University, pp. 130-140.)
10. Medushevskii N.A. (2019) *Razmyshleniya o politike pamyati* [Reflections on the memory policy]. Izdatel'skie resheniya Publ.
11. Myasnikova L.A., Shumikhina M.N. (2016) Politicheskii mif kak nositel' istoricheskoi pamyati [Political myths as bearers of historical memory]. *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2, pp. 25-31.
12. Rakitov A.I. (2018) V zashchitu sub"ektivnosti (sotsial'naya real'nost', sotsial'naya deyatel'nost', sotsial'noe poznanie) [In defence of subjectivity (social reality, social activity, social cognition)]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 9, pp. 20-26.
13. Samsonov A. *Mif ob "ukrainskom narode"* [The myth of the "Ukrainian people"]. Available at: <https://topwar.ru/49742-mif-ob-ukrainskom-narode.html> [Accessed 17/05/19].
14. Simon H.A. (1978) Rationality as process and as product of thought. *American economic review*, 68 (2). Available at: http://www.ibiblio.org/philecon/General%20Information_files/simon-rationality.pdf (Russ. ed.: Simon H.A. (1993) Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya. *Thesis*, 3. Available at: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf [Accessed 17/05/19].)
15. Tarde G. (1893) *Monadologie et sociologie*. (Russ. ed.: Tarde G. (2016) *Monadologiya i sotsiologiya*. Perm: Gile Press Publ.)
16. Toporkov A.L. (2000) Mif: traditsiya i psikhologiya vospriyatiya [Myths: tradition and the psychology of perception]. In: *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* [Myths and mythology in modern Russia]. Moscow, pp. 39-64.
17. *V SShA vypustili monetu s soyuznikami vo Vtoroi mirovoi voine bez SSSR* [The USA issued coins with allies in World War II without the USSR]. Available at: https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce5f09d9a79475bffc81f30?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop [Accessed 17/05/19].